

Пятница, 17 декабря 1910 г.

Редакция газеты помещ. въ Ростовѣ на-Дону, на Волжской Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Редакция для личн. общен. отпр. въ 12 до 2 ч. дня

Статьи должны быть доставлены съ подписью и адресомъ автора. Принятые статьи, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ измѣненію и сокращенію. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными. Малѣйшія замѣтки уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяць. Пересылку рукописей обратно авторамъ редакция на себя не принимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для газ. „Приазовскій Край“ отъ лицъ, фирмъ и учреждений, находящихся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Привислянскомъ краѣ и заграничю, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома „Л. и Э. Метцель и К^о“ въ Немецкѣ, въ домѣ Сытова, и въ его отдѣленіяхъ С.-Петербургѣ, на В. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Краковское предм., № 56,—по таксам: полнаго текста по 12 к., а впередъ текста по 25 к. за строку литки или заимковъ въ мѣсто.

№ 331 Двадцатый годъ. № 331

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Пятница, 17 декабря 1910 г.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой, пожеланію въ иностранныхъ подписчиковъ:

12 м.—9 р.—к.	6 м.—4 р. 50 к.	4 м.—3 р. 50 к.
11 м.—8 р. 50 к.	7 м.—5 р. 50 к.	8 м.—2 р. 50 к.
10 м.—8 р.—к.	6 м.—5 р.—к.	3 м.—2 р.—к.
9 м.—7 р. 50 к.	5 м.—4 р. 50 к.	1 м.—1 р.—к.

За пересылку адреса 25 коп.

За пересылку загранич. вѣст. добавоч. 50 к. ежемѣсячно.

Подписка принимается только съ начала 1 числа и не далѣе конца года.

Во объявленіяхъ за строку, занимающую литку, вполнѣ текста 20 к., полнаго текста—10 к.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію. За расслыл. приложеній при газетѣ—3 р. отъ администратора. Главная контора помещается въ Ростовѣ на-Дону, на Волжской Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 7 ч. вечера, въ воскресенье и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня. Отдѣльные номера въ Ростовѣ по 1 к. и въ отдѣльныхъ—3 к.

Телефонъ конторы № 240.

Литературные наброски.

Городская жизнь торопится и бурлитъ. Начался новый «академическій годъ», а съ нимъ и обычное оживленіе въ области печатнаго слова. Подтягиваются газеты, журналы запаслись матеріаломъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ лѣтняя дребедень, рассчитанная на отсутствіе публики.

Что намъ сулитъ наступающій годъ, кто и куда поведетъ насъ за собою, кому измѣнчивая толпа поднесетъ званіе властителя думъ? Вотъ вопросы, которые роятся сейчасъ въ головѣ и на которые ни откуда не слышно отвѣта.

Что-то, очевидно, случилось съ нами. Мы пережили не только свои увлеченія, но и самую возможность увлечься, не только отреклись отъ старыхъ кумировъ, но, кажется, разучились даже молиться. Быть можетъ, это временно, даже навѣрное такъ—иначе жить нельзя было бы,—но мы стоимъ передъ зіяющей пустотой и не видимъ, что могло бы ее заполнить.

Трудно сейчасъ прослѣдить, какъ произошло, что отъ завѣтовъ старой школы, черезъ догматы новой, мы пришли къ полному ничто. Лишь значительно позднѣе возможна будетъ сколько-нибудь вѣрная оцѣнка, пока же мы можемъ только отмѣчать явленія и устанавливать ихъ взаимную связь съ нѣкоторой долей вѣроятія.

«Каждый изъ насъ виноватъ уже тѣмъ, что живетъ, и нѣтъ такого мыслителя, нѣтъ такого благодѣтеля человѣчества, который, въ силу пользы имъ приносимой, могъ бы надѣяться на то, что имѣетъ право жить» — эти слова изъ Тургенѣвскаго «Наканунѣ», начертаны девизомъ на гербѣ русской литературы старой школы. Самоотреченіе свѣтлой ризой мученичества облакаетъ любимѣйшихъ героевъ этой эпохи.

Но самоотреченіе не можетъ дать полного удовлетворенія. Какъ общій идеалъ—оно не пригодно, такъ какъ только сильные духомъ способны идти его путемъ; оно тягостно и для отдѣльных личностей, требуя отъ нихъ постоянного ограниченія потребностей, стѣсненія развитія всего человека во имя нѣкоторыхъ сторонъ его. Наконецъ, самоотреченіе не выдерживаетъ и столкновенія съ жизнью — ея острые углы не поддаются самоотверженнымъ усиліямъ единицъ, подвигъ остается безплоднымъ, неся за собой лишь разочарованіе и горечь.

И вотъ, самоотреченіе, какъ литературный идеалъ, рушилось, и на его могилѣ Чеховъ вознесъ своего Иванова.

Но Ивановъ — только отрицаніе, только намогильный памятникъ, а для того, чтобы вести толпу, нуженъ какой-нибудь положительный идеалъ.

На смѣну отреченію пришло самоутвержденіе.

Если нельзя совершить стѣхъ он

Если нельзя сокрушить стѣну силой личной жертвы, то какая ей цѣна? Какой смысл ломать себя, душить въ себѣ всѣ яркіе порывы во имя общаго, недостижимаго блага?

Жизнь коротка, долго спавшая жажда взять отъ нея все, что она можетъ дать, вспыхиваетъ буйнымъ пламенемъ, и на гербъ русской литературы появляется девизъ:

— «Все и во всемъ—Я, и только Я, и нѣтъ иного, и не было, и не будетъ». *)

Въ теченіе короткаго десятилѣтія новая школа выросла, пережила періодъ всеобщихъ насмѣшекъ, затѣмъ время торжества и полного признанія. Все, что подавлялось необходимостью полагать душу за други, расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ. Много смелости, предразсудковъ, многому расчищена дорога, сказано немало безусловно новаго и цѣннаго. Но, какъ бы то ни было, сейчасъ намъ приходится сказать, что девизъ новой школы потускнѣлъ — самоутвержденіе потерпѣло крушеніе, значительно скорѣе даже, чѣмъ самоотреченіе.

Почему?

Возможно, потому, что взялись за него люди, воспитавшіеся на прежнихъ идеалахъ, уже надломленные и жизнью, и внутренними противорѣчіями; возможно, потому, что наша дѣйствительность не позволяетъ всецѣло уйти въ себя и все еще настоятельно требуетъ нашего участія, притомъ, по необходимости, болѣе или менѣе, самоотверженнаго. Во всякомъ случаѣ «Я» принуждено сойти съ пьедестала, на который его было поставили.

Это крушеніе кумировъ, одного за другимъ, не могло не произвести сильнаго опустошенія. И не въ немъ ли лежитъ основная причина того, что мы стоимъ сейчасъ, какъ слѣпые, покинутые повадыремъ среди поля?

Вѣдь пока жизнь разбивала нашихъ кумировъ, мы, въ поискахъ за новыми, жадно бросались за каждымъ блеснувшимъ огонькомъ. И что же въ результатѣ?

Глубочайшія переживанія человеческой души вынесены литературой на свѣтъ, рассказаны во всѣхъ деталяхъ, и наша душа кажется вывернутой перчаткой, въ которой уже нѣтъ

*) О. Сологубъ—«Пламенный кругъ»

ничего загадочнаго и неизвѣстнаго. Тѣло воспыло въ движеніи и въ покое, въ комнатѣ и на воздухѣ, нагое и закутанное до конца ногтей. Половыми темами мы оглушены настолько, что, пожалуй, нескоро въ этой области найдется что-нибудь новое для насъ, завлекательное.

Все пережито, пересказано, переслушано и отвергнуто.

А, главное, все заплевано. Стоило какому-нибудь новому слову показаться на свѣтъ, какъ его забрасывали сотнями бранныхъ словъ, заливали ушатами пародій, злобнаго хихиканья или готтентотскаго подражанія. И этотъ бурьянъ, буйно разрастающійся вокругъ cadaго всхожаго зерна, заплелъ все поле русской литературы однообразной массой, утомляющей зрѣніе своей пошлостью и ненужностью. Нѣтъ ужъ ни возможности, ни охоты ворошиться въ этой массѣ. Читатель усталъ отыскивать въ ней дѣйствительно цѣнное и нужное для него. Усталъ искать боювъ среди пестро размалеванныхъ курбановъ, назойливо предлагающихъ себя со всѣхъ сторонъ.

Эта усталость чувствуется во всемъ, не только въ области литературныхъ идеаловъ, но даже во внѣшнемъ, въ мелочахъ. Перепробовано и отброшено такъ много, что вкусъ притупился.

Раньше литература находила себѣ приубжище въ толстыхъ журналахъ. Жизнь удалила ее оттуда. Повились альманахи. Но первоначальный успѣхъ подѣйствовалъ на нихъ шеломляюще, они расплодились въ евѣроятномъ количествѣ, и теперь мирають. Тонкіе журналы, у которыхъ, казалось, была нѣкоторая будущность, влачатъ жалкое существованіе. Газеты, попробовавшія служить литературѣ, въ безсиліи опустили руки.

Тѣмъ, кто хотѣлъ бы теперь привлечь вниманіе читателя и повести его за собой, надо не только имѣть что сказать, но и умѣть какъ сказать. Такимъ образомъ, чтобы не вспомнилось что нибудь осмѣянное опошленное.

А это большая и трудная задача. И вотъ мы стоимъ передъ большимъ знакомъ вопроса. Одно ясно—нужно, чтобы въ литературѣ появилась новая, свѣжая струя, такъ какъ стало трудно дышать.

Ожидаемый писатель долженъ сказать, дѣйствительно, живое и новое слово, чтобы душа читателя, уставшая отъ рухляди, раскрылась для новыхъ воспріятій.

А. Л—скій.